

УДК 1/14

А. В. Маслова, Марчин Годава

Маслова А. В., кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических наук МГЛУ;
e-mail: an_maslova@inbox.ru

Марчин Годава, доктор теологических наук,
адъюнкт с габилизацией Папского университета
Иоанна Павла II в Кракове; директор Института теологии
духовной жизни в Польше

ДИАЛОГ КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

В одно мгновенье видеть вечность
Огромный мир в зерне песка
В единой горсти бесконечность
И небо в чашечке цветка

У. Блейк

В статье проводится соотношение диалога и понимания в процессе познания. Диалог рассматривается как ключевое понятие становления европейской культуры мышления. В связи с этим дается модель понимания, которая органично встраивается в структуру диалога и служит основанием не только познания, но и самопознания.

Ключевые слова: диалог, понимание, предпонимание, интуиция, познание, настроение, способ существования.

A. V. Maslova, Marcin Godawa

Maslova A. V., PhD, Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines, MSLU; e-mail: an_maslova@inbox.ru

Marcin Godawa, Doctor of Theology (Dr.habil.), Adjunct,
John Paul II Pope University in Krakow, Director, Spiritual Life, Poland

DIALOGUE AS A VALUE OF CULTURE

The article focuses on the issues of relation of dialogue and understanding in process of cognition. Dialogue is seen as a key concept of the emergence of a European culture of thinking. In this connection, a model of understanding is given that is organically integrated into the structure of the dialogue and is the basis for not only knowledge but also self-knowledge.

Key words: dialogue; understanding; pre-understanding; intuition; cognition; mood; way of being.

Актуальность открытой рациональности

По мере развития рационального мышления западная цивилизация приобрела опыт научного познания, совершенствуясь в технологической оснащённости собственного существования. В этом удивительно стремительном движении человек становится либо созерцателем данной картины, либо погружается в этот поток информационного поля культуры, где его сознание становится объектом манипуляции.

Человек не только приобретал новые, более совершенные способы познания и адаптации к действительности, но и вместе с тем утрачивал, как бы сказал М. Хайдеггер, особую *настроенность*. Мышление стало другим, иным образом направленным. Приведем цитату из книги В. П. Зинченко «Сознание и творческий акт»: «Парадокс развития состоит в том, что оно идет не по линии этой первичной интегральности, а по линии преодоления и даже борьбы с ней» [Зинченко 2010, с. 481]. Интегральность стала отступать перед разрозненностью и спецификацией. Это привело к элиминации «детскости» восприятия мира в его непосредственности, утверждая рациональность как эталон мышления, за пределами которой не может быть никакого позитивного знания. Однако еще Э. Гуссерль высказал идею о том, что «Европейские нации больны, вся Европа в кризисе, порожденном болезнью разума как болезнью “объективизма”: притязая на универсальность, разум забывает о происхождении разума в актах исторических и субъективных» [Автономова 1981, с. 303]. Торжество «закрытой рациональности»¹ привело в ужас философов, которые уже ощущали потребность в новом осмыслении субъекта. Сегодня тенденция, направленная на анализ субъективного фактора в познании как важного и необходимого, выражена в таких понятиях, как «открытая» и «гибкая» рациональности.

Введение таких понятий позволяет выйти за пределы классической рациональности и тем самым расширить инструментарий

¹ Термин «открытая рациональность» предложил отечественный философ В. С. Швырев в связи с определением границы классической или, по его выражению, закрытой рациональности. Интересно то, что именно в русле открытой рациональности, как характеристики современного осмысления научного познания и положения субъекта в нем, возможен позитивный анализ субъективных черт познания, в частности внерациональных его факторов. См.: [Швырев 2003].

познания за счет рассмотрения внерациональных форм мышления в качестве эффективных средств научного познания. Так, «открытая» рациональность «связана с интенсивностью научно-познавательной деятельности в смысле направленности, так сказать, вглубь, на совершенствование и развитие внутреннего каркаса концептуального аппарата» [Швырев 2003, с. 51]. Более того, в современной философии разрабатывается концепция гибкой рациональности. «В философском смысле, – отмечает С. И. Масалова, – гибкая рациональность – это свободное развертывание ментальной сущности активно познающего субъекта, его самосознания в процессе деятельности» [Масалова 2010, с. 35]. Тем самым *гибкая рациональность* характеризуется как ментальная способность к свободному и осознанному (внутренне контролируемому сознанием) проявлению творческих интенций в процессе научной деятельности.

Нельзя не заметить при этом, что никто не оценивает внерациональный опыт как пустой, мешающий рациональной деятельности мышления. В связи с этим поиск эффективных внерациональных способов научного исследования, рассматриваемых с позиции методологии науки, согласуется с сугубо эпистемологической задачей – объяснением условий получения нового знания. Например, в контексте открытия. На этом пути решения проблемы соотношения рационального и интуитивного современные философы все чаще говорят о *креативности* мышления, связывают его со сверхчувственным элементом проявления когнитивных способностей человека, различая способности к творчеству и описывая условия его проявления. Для выявления роли диалога в развитии европейской культуры, обратимся к истокам европейской традиции рационального мышления.

Европейский рационализм берет свое начало в Древней Греции, где возникла потребность в обретении знания ради самого знания. Знания стали отдельной ипостасью бытия, живущей собственной жизнью. Платон в диалоге «Федр» дает определение диалектики как метода, который направляет мышление к отысканию истинного знания. В эпоху Древней Греции представление об истине понималось как соответствие высказывания действительности, предметность и наличное бытие было мерой правдоподобия. Сейчас же говорят, скорее, не об истине, а о достоверности, в связи с тем, что нет возможности верифицировать некоторые опытные данные современной

науки (например, квантовые частицы определяются лишь по следу, зафиксированному в камере Вильсона). Тем не менее это не отрицает важности метода, который обосновал Платон, ведь это метод, благодаря которому возможно понимать друг друга, что возводит в ценность сам диалог, в котором можно приблизиться к истине. Преобразование майевтики приводит Платона к открытию дискурсивности самого мышления, методом раскрытия которого является диалог. Также из диалоговой культуры Древней Греции, когда на Агоре встречались свободные граждане и вели беседы с целью поиска обоснования собственного мнения, возникла рациональная традиция мышления, которая сформировала европейскую культуру.

Культура диалога представляет собой неоспоримую ценность, которая утрачивается в современном обществе, скрываясь за информационным облаком безличности.

«Сова Минервы вылетает в сумерки», – знаменитое высказывание Гегеля относительно роли философии, которая обретает свою актуальность в кризисные переломные моменты истории. Минерва проявилась сегодня, когда западному миру был вынесен приговор о его закате и скором прекращении существования. Философское производство концептов не остановилось на постановке «диагноза», оно стремится к созданию единого пространства для междисциплинарного и трансдисциплинарного дискурса. Тенденция к созданию синкретичного знания проявляется довольно отчетливо. Разобщенность наук свидетельствует об утрате скрепляющего начала, которое содержится в диалектике и когнитивной способности человека видеть предметы в целом, которой является интуиция. Возобновление интереса к вне-рациональным способам познания проявляет ценность личности как творца самого себя и своей жизни, о чем справедливо сказал Ларс Сведсен: «Человек – мирообразующее существо, существо, которое активно конструирует свой мир, но, когда все превращается в готовый код, активное конструирование мира становится лишним, и нам уже не хватает разногласий по отношению к миру» [Сведсен 2003, с. 43]. Наличие разногласий является условием диалога, который, подобно симфоническому оркестру, воспроизводит музыку разговаривающих душ. Известная практика заботы о себе, возделанная на благодатной почве культуры Древней Греции, постепенно утрачивает свое значение в жизни человека, а ведь это и есть познание самого себя через

понимание. Таким образом, сделан важный шаг на пути к полному представлению о познании как живому личностному опыту, в котором раскрывается богатство внутренней природы мышления человека.

Проблематика понимания

За пределами научного познания стоит практика отношения к самому себе как объекту понимания. Однако разделять себя на объект и субъект в акте самопознания свойственно только человеку периода Нового времени, например в эллинизме не было такого разделения на два противоположных полюса. По словам М. Фуко, человек эллинской и римской эпох «одухотворяет» знание, они, пишет французский мыслитель: «... размышляли о познании мира как о духовном опыте субъекта» [Фуко 2007, с. 346].

В различии представлений о субъекте и объекте познания скрывается одно из оснований изменения способов существования разных эпох, а также людей. Личностный опыт формируется благодаря тем смыслам, которыми человек наполняет свою жизнь, возникающими в процессе взаимопонимания. В свою очередь, взаимопонимание детерминировано тем модусом бытия, через который человек взаимодействует с миром. Так, в Древней Греции не было разделения на субъекта и объекта, поэтому человек понимал себя как объект среди объектов. В Средние века это отношение к миру изменилось на субъект-субъектное отношение, в котором человек познавал мир как субъекта, в высшей своей форме в виде Бога, божественной сущности. Человек Нового времени становится совершенно на противоположную сторону, для него мир – это объект его субъективных стремлений преобразовать и изменить природу, чтобы господствовать над ней¹. Проблема понимания в таком контексте состоит в том, что приблизиться к полноте понимания, например, древнегреческого автора, можно только при учете сущностных характеристик его эпохи, а также самого автора. Так, необходимо настроиться на ту эпоху, войти в культурный контекст автора, но не забывать, что сам интерпретатор пребывает в определенном «базовом настроении», которое предопределяет его мышление, а также действия в жизни.

¹ Подробное объяснение изменений способов существования в разные эпохи дается в исследовании, посвященном анализу сущности ядерных аффектов. См.: [Лызлов, Серавина, Ковалевская 2010].

«Настроение – это возможность и условие познавать мир как единое целое» [Сведсен 2003, с. 162]. Здесь можно усмотреть состояние предпонимания во время диалога, бытие как бы открывается в момент озарения пониманием, и между понимающим и понимаемым происходит смысловое единение. Именно в этом смысле Платон понимал свои собственные диалоги, которые объединяют диалектическое рассуждение и образное уподобление [Васильева 1999, с. 80]. Участники диалога находятся в состоянии захваченности творческим актом открытия смыслов. Открытие здесь понимается двояко: как то, что уже дано и нужно только приоткрыть завесу тайны, чему соответствует греческое понимание истины как алетейи и как то, что конструируется, заново создается, чему соответствует концепция конструктивизма в современной эпистемологии.

Реконструкция и возрождение диалога как условия сохранения культурных ценностей европейской цивилизации восходит, как было показано, к Платону, который, тем не менее, признавал и внерациональные методы познания, придавая большое значение неистовству как способности человеческой души создавать величайшие блага. Как будет показано, понимание также содержит в себе элементы *неистовства* как условие своего появления. Обратимся к конкретным представлениям о сущности понимания, которые сформировались в XX в.

Философская рефлексия становится движущим началом собственной понимающей мысли. Такая практика философии сформировалась в герменевтической традиции, методы которой, по мнению В. Дильтея, легли в основу гуманитарных наук. Рассмотрим основные черты герменевтического метода и выявим роль внерационального элемента в акте понимания.

Основатель герменевтики Ф. В. Г. Шлейермахер формулирует два подхода, по которым можно было бы интерпретировать текст: дивинаторный и сравнительный. Первый принцип интерпретации опирается на интуитивное вживание в текст и соответствует задаче интерпретатора понять истинный смысл текста, проникаясь стилем мышления самого автора. По сути дивинаторный принцип предполагает «психологическую» интерпретацию, используемую герменевтикой в качестве одного из приемлемых подходов [Тильсельтон 2011, с. 172]. Таким образом, интерпретация состоит из двух взаимосвязанных принципов: грамматического и психологического. Причем под

психологическим в широком смысле слова Шлейермахер понимает то, что составляет внутреннюю, отразившуюся в тексте жизнь автора, создателя этого текста. Схожим образом и подобным методом психологической интерпретации пользовался известный русский философ И. А. Ильин, интерпретируя философию Гегеля [Ильин 2002, с. 9–20]. Здесь понимание граничит с интуитивными актами улавливания хода мысли, самого живого мышления автора. На этом глубинном уровне понимания происходит сопереживание автору, пронизанное эмпатией, как примерки мышления автора к собственному мышлению, как бы подражая ему. Такой *диалог* происходит здесь и сейчас «...на твердой земле, когда непреложно воспринимается инаковость Другого, но с ней не ведется борьба как с существующим противником, ее структура вводится в собственное мышление, о ней мыслят и, мысля, высказывают» [Бубер 1995, с. 115]. Под высказанным здесь подразумевается интерпретация, выраженная в словах, облеченная в собственное понимание.

Как утверждал, например, Эрнст Фукс, создатель так называемой новой герменевтики, сопереживание и взаимопонимание – это понятия, которые выражают суть герменевтики, нацеленной на «глубинное понимание» [Fuchs 1971, с. 267]. Таким образом, происходит глубинное общение с автором, живой диалог двух мыслящих личностей, что отсылает к ситуации не только понимания, но и взаимопонимания. Первичность диалога к акту понимания можно определить как настроенность, особого рода открытость бытию, которая становится условием самополагания. Выход за пределы текста в акте понимания отсылает к установке В. Дильтея, для которого «...конечной целью истолкования, как в психологии, так и в истории, было достижение полного понимания “чужой жизни”, которое подразумевало буквальное отождествление толкующего с понимаемым» [Фалёв 2014, с. 128]. Для того чтобы полнота понимания озарила сознание, необходимы условия и подготовка к улавливанию жизненных смыслов понимаемого.

Изначальность диалога подобна первой встрече материи и антиматерии при сотворении мира, она носит характер искомого в человеке. «Возникновение мысли, – пишет М. Бубер, – происходит не в монологе» [Бубер 1995, с. 114]. Изначальная поляризация бытия и мышления делает момент понимания важной составляющей существования как бытия, так и мышления. Конечно, экстраполяция феномена понимания

на физическую реальность не вполне корректна, однако, если под пониманием мы подразумеваем совпадение и гармонию двух мышлений, то такая аналогия становится вполне уместной. В человеческом бытии, как *Dasein*, сущность диалога приобретает тотальную ценность.

Важный вклад в проблематику понимания и истолкования внес Вильгельм Дильтей; он стремился выйти за рамки психологической тенденции в обосновании изучаемого материала или текста и занимался «поиском методологической базы для обоснования наук о духе, начальным и конечным пунктом которых является, по мнению Дильтея, конкретный исторический, живой опыт» [Шульга 2002, с. 145]. Он выдвигает триаду «переживание – выражение – понимание», которая в точности соответствует процессу получения знания, объясняя, как, каким образом непосредственность восприятия может стать достоверным знанием. При этом Дильтей вводит понятие «герменевтический круг» – метод, которым пользовался Шлейермахер, но не давал ему такого названия.

Понимание органично включается в целостный жизненный процесс, которым является познание. Более того, понимание «определяется не как отдельный вид познания, существующий наряду со знанием теоретическим, но как эпистемологический компонент жизненно-практического освоения мира, включающего, согласно основному антропологическому принципу Дильтея, когнитивные, эмоциональные и волевые аспекты» [Плотников 2002, с. 192].

Например, на основании предшествующего знания, аккумулированного в опыте ученого, возникает внутренний мотив, который пробуждает потребность осветить то, что еще не известно. Так, рассуждая о знании как аккумулируемом в опыте ученого, Л. А. Маркова отмечает: «Восприятие и мысли принадлежат человеку-индивиду, но их содержание и реализация невозможны без того, чтобы через него не действовали силы большие, чем само восприятие, и концентрированные вне субъекта» [Маркова 2007, с. 56–57]. Эти силы есть не что иное, как усвоенный в личностном опыте познания культурный опыт человечества, транслируемый в актах творчества.

Предпонимание, в свою очередь, выступает как промежуточное звено сложного акта понимания или его «первое основание», которое есть еще не-артикулируемое, но соотношенное с уже усвоенными смыслами, имплицитно присутствующими в сознании. Эти смыслы

программируют понимание, которое в своей сущности имеет двойную интенциональность. С одной стороны, оно направлено на понимание чего-то, как чистая направленность возможности понимать, а с другой – изначальная точка определенности предпонимаемого смысла, к подтверждению которой стремится понимание.

Между тем, подобно тому, как интуиция может привести к недоверенному знанию, так и предпонимание может приводить к мнимому знанию, которое становится по мере своего укоренения в структуре сознания, предубеждением [Маслова 2016]. Тем не менее значение деятельности интуиции, особенно интеллектуальной интуиции, заключается в том, что именно на этом уровне процесса познания достигается полнота понимания, реализуемая в опыте интуитивного познания, проще говоря, знание обретается, минуя логические доказательства.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что предпонимание включается в процесс диалогического движения к истинному знанию в акте понимания, который сопровождается вспышкой озарения. Таким образом, в процессе живого диалога происходит синтез рациональных и внерациональных аспектов человеческого мышления, который становится тем характерным признаком человека, который выражается императивом К. Линнея «*nosce te ipsum*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова Н. С. В поисках новой рациональности // Вопросы философии. 1981. № 3. С.145–156.
- Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995. 464 с.
- Васильева Т. В. Путь к Платону. Любовь к мудрости или мудрость к любви. М. : Логос ; Прогресс-Традиция, 1999. 208 с.
- Зинченко В. А. Сознание и творческий акт. М. : Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Ильин И. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. Т. 1. Учение о Боге. М. : Русская книга, 2002. 448 с.
- Лызлов А. В., Серавина О. Ф., Ковалевская О. Б. Аффективность как структурообразующая основа антропологических пространств: философия, психология, психиатрия // Вопросы психологии. № 3. 2010. С. 65–74.
- Маркова Л. А. Контекст как ненаука, порождающая науку // Эпистемология и философия науки. Т. XIV. № 4. М. : Канон+, 2007. С. 55–59.
- Масалова С. И. Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 2 (10). С. 32–45.

- Маслова А. В. Предпонимание и предубеждение в герменевтике и теории аргументации // Рацио.ру. 2016. Вып. 17 (2). С. 69–67. URL : <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3391/9566/>
- Платон. Федр // Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М. : Наука, 1971. 611 с.
- Плотников Н. С. «Живое знание»: Идея конкретного познания у С. Л. Франка и В. Дильтея // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. М. : Три квадрата, 2002. С. 177–194.
- Сведсен Л. Философия скуки. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.
- Тильсельтон Э. Герменевтика. Черкассы : Коллоквиум, 2011. 430 с.
- Фалёв Е. В. Герменевтика М. Хайдеггера и философия жизни // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 123–135.
- Фуко М. Герменевтика субъекта. М. : Наука ; Ленинградское отделение, 2007. 680 с.
- Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
- Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М. : ИФ РАН. 235 с.
- Fuchs E. The Problem of Hermeneutics // The future of Our Religious Past : Essays in Honour Rudolf Bultmann / ed. J. M. Robinson ; trans. C. E. Carlston, R. P. Scharlemann. London : SCM, 1971. Pp. 267–278.